

— Это ещё что за тварь? — спросил Пэй Цзинсин, вполоборота бросив взгляд на поверженного призрака.

От былой красоты Яньгуй не осталось и следа. На солнце её тело горело заживо, словно в бушующем пламени: кожа мгновенно покрылась волдырями, обнажённые костяные шипы потрескались, а поплывшее, будто тающий воск, лицо непрерывно меняло очертания, принимая то один, то другой облик. Призрак валялся на земле, содрагаясь в конвульсиях, пока старый рыжий пёс мёртвой хваткой сжимал челюсти на её голове.

— Это Яньгуй, — отозвался Су Янь.

Поймав взлетевшие в воздух глазурированные жемчужины, он достал заговорённую красную нить и, невзирая на яростное сопротивление твари, захлестнул её петлёй вокруг шеи призрака.

И произошло чудо: едва нить затянулась, как Яньгуй мгновенно затихла. Вздувшиеся волдыри опали, трещины на костяных шипах затянулись, а поплывшее восковое лицо вновь обрело прежний, обманчиво прекрасный облик.

Старый даоси Ли коротко свистнул. Рыжий пёс тут же разжал зубы и, преданно виляя хвостом, примчался назад. Вмиг лишившись былой свирепости, он трусливо поджал хвост и послушно залез хозяину под мышку, вновь приняв свой обычный жалкий вид.

Пэй Цзинсин заставил себя отвести взгляд от лежащей на земле Яньгуй и повернулся к даоси:

— Слышь, старик, та Полуликая, которую ты когда-то усмирил, снова вырвалась на свободу. Так что тебе придётся пройти со мной.

Ли Лаодао расплылся в подобострастной улыбке:

— Разумеется, господин уличный посол, как прикажете!

— А эту пакость, — Цзинсин указал мыском сапога на Яньгуй, — сможешь доставить в резиденцию Государственного наставника? Отдай её Гао Цзэкаю, пусть сам с ней разбирается.

Су Янь согласно кивнул:

— Хорошо.

Но не успели они сделать и шага, как с улицы донёсся частый, торопливый топот.

Пэй Цзинсин мгновенно перехватил копьё Драконьей головы и Тигриного клыка обеими

руками и заслонил собой Су Яня и старика, готовый принять бой.

Однако стоило незваному гостю вбежать во двор, как все замерли в замешательстве.

— Вы целы? — тяжело дыша, спросил вбежавший на задний двор Гао Цзэкай.

Выглядел первый старший брат, прямо скажем, лихо: левое плечо его даосского одеяния сползло, воротник перекосясь, а волосы были наспех перевязаны верёвкой — от привычной чинной причёски не осталось и следа.

— Всё уже закончилось, — Пэй Цзинсин опустил копье и отступил в сторону, открывая взору Гао Цзэкаю стоявшего позади Су Яня и связанную Яньгуй.

— Яньгуй? — Гао Цзэкай уставился на стянутую красной нитью пленницу и нахмурился. — Откуда она здесь взялась? Как вы на неё вышли?

— Не время для расспросов, здесь небезопасно, — оборвал его Пэй Цзинсин. — Уходим. Все разговоры — в резиденции.

У старого даоси была вывихнута нога, да и волочь связанную Яньгуй по улицам города, привязав к крупу лошади, было бы безумием. По приказу Пэй Цзинсина городские стражники быстро раздобыли крытую повозку. В неё набили всю честную компанию: Су Яня, Гао Цзэкаю, ковыляющего старика и притихшего демона. Править нанятым экипажем посадили юного послушника, прибежавшего вместе со старшим братом, а сам Цзинсин запрыгнул внутрь.

Опутанная заговорённым шнуром Яньгуй пребывала в глубоком забытии, не реагируя на происходящее. Гао Цзэкаю она показалась слишком громоздкой попутчицей, и он без лишних церемоний задвинул её в самый дальний угол повозки.

Устроившись на лавке, Пэй Цзинсин впериł тяжёлый взгляд в притихшего даоси, который судорожно прижимал к себе верного пса и делал вид, будто дремлет.

— Послушай, старик, — негромко, но властно заговорил уличный посол, — откуда тебе было известно, что в деле Полуликой не всё так чисто?

Ли Лаодао приоткрыл один глаз и осклабился, выставив напоказ ряд жёлтых зубов:

— О чём вы говорите, господин уличный посол? Старый глупый даоси не понимает вашей мудрости...

Пэй Цзинсин угрожающе нахмурился.

— Полулика не была злым духом, заслуживающим уничтожения. Обычная ворожба её бы не взяла. А ты с ходу повязал её. Неужто кто-то заранее надоумил, как действовать?

Старик так и застыл с открытым ртом:

— Так вы... уже всё разузнали?

Гао Цзэкай, сидевший напротив, тут же подыграл:

— Да мы этого призрака из-под земли достали, думаешь, твои тайны не раскопаем? Говори добром, пока уличный посол Пэй сыт и благодушен. Может, и скостит тебе срок за чистосердечное.

Даоси вздохнул, прикрыл глаза и принялся задумчиво гладить спящего пса:

— Да разве ж я против? — пробормотал он сокрушённо. — Только ведь заместитель министра Шангуань — птица высокого полёта. Разве пристало мелкому люду вроде меня переходить дорогу таким господам? Жизнь-то одна.

— За это не переживай, — твёрдо пообещал Пэй Цзинсин. — Когда делом займётся столичная гвардия Цзиньувэй, Шангуань Юнь и пикнуть не посмеет.

Старик лишь снисходительно усмехнулся:

— Молоды вы ещё, господин уличный посол. В столице водятся такие омуты, куда даже вашей гвардии ходу нет.

Пэй Цзинсин недовольно сузил глаза:

— Юлить вздумал?

— Ну что вы, что вы, расскажу всё как на духу! — торопливо закивал даоси Ли. — Для меня сейчас каждый прожитый день — подарок небес. Не подоспей вы с молодым даоси вовремя, лежать бы мне уже на погосте с перерезанным горлом.

— В общем, дело было так, — начал старик. — Бродил я, как обычно, по кварталу Мира и Здоровья Пинканфан, промышляя мелким обманом да гаданием. И вдруг подходит ко мне человек. Говорит, мол, в усадьбе самого господина заместителя министра Шангуаня нечисть объявилась, зовут меня разобраться. Ха! Мы-то с вами знаем: когда в доме "нечисто", это у хозяев совесть нечиста, а призраки тут обычно ни при чём. Но гость добавил, что хозяин нынче повёз супругу в храм на молебен, так что ждут меня завтра утром. И суёт мне золотую шпильку в виде феникса — в качестве задатка. У меня тогда в карманах ветер гулял, жрать

было нечего, ну я и хапнул, не думая. В тот же вечер завалился к своднице Лю в бордель, заказал вина да закусок знатных. А наутро, как уговорились, прихожу к усадьбе Шангуаня. Господин Шангуань Юнь принял меня и говорит: «Объявилась у меня в саду та самая Полуликакая тварь, жену до полусмерти перепугала. Слышал я о твоём великом мастерстве, старик, спаси мою хозяйшку, изгони скверну». Ну, думаю, раз шпильку я уже проел, надо хоть вид сделать поубедительнее. Разложил свои прибабасы, велел алтарь соорудить прямо на заднем дворе, зажёл благовония, затащил заунывные песнопения... И тут, поверите ли, у меня у самого поджилки затряслись! На заднем дворе и впрямь кишело что-то тёмное. Странная такая чертовщина, то появится, то исчезнет, будто в ком-то из домашних угнездилась. Я парень неглупый, лезть на рожон не стал — поскорее свернул лавочку, решив забрать остаток платы и сделать ноги. Да только этот скряга Шангуань Юнь платить отказался! Заявил, дескать, пока Полуликакая гуляет на свободе, его супруга сна лишилась, так что я обязан поймать призрака и уничтожить.

— И ты согласился? — прищурился Пэй Цзинсин.

— Да бог с вами! — ни капли не смутившись, хмыкнул старик. — Я же обычный шарлатан, куда мне настоящих бесов ловить? Первая мысль была — бежать из Сицзина без оглядки. Пускай этот важный чиновник хоть трижды всемогущ, на краю света он меня искать не станет. Но потом жаба задушила: шпилька-то золотая у сводницы Лю в залоге осталась, а живых денег я так и не увидел. Уеду — с голоду помру. А Шангуань Юнь, надо отдать ему должное, устроил меня со всем комфортом, прямо у себя в поместье поселил. Я только-только начал соображать, как бы покрасивее улизнуть, как он заявляется ко мне и выкладывает на стол узелок. Говорит, мол, до тебя тут один даоси обретался, барахлишко своё оставил, погляди — может, сгодится для дела.

— И что там было? — спросил Пэй Цзинсин. — Что-то, способное удержать Полуликую?

— Глаз у вас — алмаз, господин уличный посол! — старый пройдоха подобострастно поднял большой палец. — Именно так. Глянул я на эти побрякушки и сразу всё понял. Ох и хитёр же наш господин заместитель министра! Прикидывался мирным чинушей, а сам по уши в чернокнижие залез. Но ведь дело какое: тёмные амулеты да заговоры частенько бьют по самому заклинателю. Я почуял неладное, испугался, что меня подставят под удар, и давай осторожно расспрашивать челядь. И что бы вы думали? С полгода назад в усадьбе и впрямь гостили странные бродячие даосы. Один из них — без левого уха и всего с тремя пальцами на правой руке. Рожа — чистый разбойник, на таком клейма ставить негде.

До сих пор молчавший Гао Цзэкай резко подался вперёд:

— У того калеки фамилия была не Вань случайно?

— Вот уж не ведаю, — развёл руками даоси Ли. — Я ведь кругами ходил, расспрашивал обиняками, чтобы себя не выдать. Куда мне было имена выпытывать.

На лице Гао Цзэкая отразилось разочарование:

— Ладно. Продолжай.

— Ну так вот, — почесал затылок старик. — Разобрался я в тех вещицах. Творения и впрямь безопасные для владельца, но до безумия странные. Ничего подобного в канонических трактатах нет. Но лезть в дела вельможи — себе дороже, так что я зажмурил глаза, сотворил ритуал, сгрёб добычу и намылился наутёк.

— Ты поймал Полуликую и объявил всем, что сожжёшь её душу в тигле, — припомнил Пэй Цзинсин. — А сам тайно передал её Шангуань Юню?

— Именно так, — усердно закивал Ли Лаодао. — Чиновник со слезами на глазах расписывал, как перепугалась его супруга, да как Полулика зверски загрызла её любимую служанку, что приехала с ней ещё из родительского дома и служила верой и правдой больше десяти лет. Твердил, мол, только полное уничтожение духа успокоит его несчастную жену. Я отдал ему сосуд с призраком, получил увесистый кошель и на следующий же день на рассвете вымелся из города. Некоторое время покрутился в предместьях для отвода глаз, а потом сменил тряпки, нацепил чужую личину и вернулся обратно в столицу.

— Значит, ты почуял, что тебя хотят убрать? — Пэй Цзинсин мгновенно ухватил суть. — Те разбойники, что караулили тебя сегодня в заброшенной усадьбе — это наёмники Шангуань Юня?

— А вот тут бог весть, — старик блаженно зажмурился, чувствуя себя в относительной безопасности. — Моё дело маленькое. Главное — добраться до резиденции Государственного наставника, там-то ни один душегуб, будь он хоть человеком, хоть бесом, меня не достанет.

Гао Цзэкай перевёл взгляд на затихшую пленницу в углу:

— Ладно, со старыми грехами разберёмся позже. Теперь рассказывайте, где вы откопали эту Яньгуй?

Су Янь, не любивший долгих разговоров, к этому моменту уже вовсю клевал носом — монотонное покачивание повозки усыпило его окончательно. Так что за повествование снова взялся Ли Лаодао. Разумеется, старый хвостун не упустил случая расписать свои мнимые подвиги: в его рассказе он предстал нестигаемым праведником, коего не смогли соблазнить прелести демона, и великим стратегом, спасшим положение. Этим басням он посвятил добрых две трети пути.

— А ты, Пэй? — Гао Цзэкай, выслушав этот винегрет из лжи и правды, повернулся к гвардейцу. — С чем столкнулся?

Пэй Цзинсин коротко, без лишних прикрас пересказал случившееся, особо выделив своего жуткого и неестественно гибкого противника.

— Это эцзян, костяной мертвец, — помрачнел Гао Цзэкай. За годы службы у Государственного наставника он успел изучить немало древних свитков. — Мерзкое, запретное колдовство. Берут умирающее дитя, пока три чистых духа и семь земных душ ещё не покинули плоть. Душу разрывают надвое: изгоняют разум и волю, оставляя лишь животную душу Шигоу — Трупного Пса, отвечающую за первобытные инстинкты и рост тела. Остальные части духа запечатывают в особый амулет. С этого момента ребёнок перестаёт быть человеком, но его плоть продолжает расти, принимая любую форму, какую пожелает кукловод. Если нужен живой таран — несчастного заколачивают в бочку, если хотят вырастить живой шест — привязывают к столбу. Затем при помощи ядов и тёмных снадобий тело превращают в послушного монстра. Кости эцзяна мягки, словно резина, но он способен мгновенно выдернуть любую из них наружу, превратив в смертоносное оружие. Противник действительно страшный.

Гао Цзэкай замолчал на мгновение, а затем пристально посмотрел на собеседника:

— Тот эцзян, с которым ты бился, — грозное оружие, на его создание ушли годы и уйма сил. Твой таинственный враг, лишившись такого ценного слуги, наверняка жаждет твоей крови. Будь начеку, Пэй. Теперь ты под прицелом.

— Пусть сунется, — Пэй Цзинсин пренебрежительно усмехнулся. — Бить бешеных собак мне не впервой, так что и хозяину их хребет переломаю!

В сердцах он стукнул древком своего тяжёлого копья о пол повозки.

Для самого воина это был лишь лёгкий жест, призванный скрепить клятву, но он позабыл о чудовищном весе своего оружия. Экипаж, и без того перегруженный четырьмя мужчинами и одним призраком, жалобно хрустнул. Повозка опасно накренилась. Дремавший под боком у Цзинсина Су Янь потерял равновесие и кулем повалился прямо на него, чувствительно приложившись лбом о холодные стальные пластины доспеха.

Из сонной полутьмы даоси мгновенно вышвырнуло в реальность — перед глазами посыпались искры. Он испуганно встrepенулся, но тут же ощутил, как к его ушибленной щеке прикоснулось что-то тёплое.

Это была ладонь Пэй Цзинсина.

Су Янь был сверстником его младшего брата, Пэй Хуайюя. Но если Хуайюй отличался взбалмошным и непоседливым нравом, то этот юноша сочетал в себе не по годам зрелую мудрость, выдающуюся силу и редкую, почти детскую чистоту души. И хотя уличный посол всегда держался в стороне от бродячих магов и служителей культа, рядом с Су Янем его ледяная броня давала трещину — он невольно проникался к нему братской нежностью.

Впрочем, стоило руке коснуться лица юноши, как Цзинсин устыдился своей порывистости. Столичные аристократы ревностно блюли приличия и никогда не позволяли себе фамильярности с чужаками. Поддавшись минутному чувству, воин запоздало усомнился: не сочтёт ли нелюдимый даоси такой жест оскорбительным?

Он порывисто отдернул руку и, пряча неловкость за напускной суровостью, спросил:

— Живой? Не расшибся?

Су Янь, всё ещё пребывая в полусонном тумане, несколько раз с силой потёр ушибленное место ладонью и мотнул головой: мол, пустяки.

Ли Лаодао к тому времени уже всю выводил рулады, уткнувшись носом в шерсть своего верного пса. А вот сидевший рядом Гао Цзэкай помалкивал, с нескрываемым лукавством наблюдая за тем, как суровый гвардеец заливается краской смущения.

Сам же Су Янь и не думал обижаться. За годы сурового отшельничества в горах он привык к лишениям и ранам посерьёзнее этого пустякового ушиба, так что, помассировав лоб, он снова прикрыл глаза.

Вскоре повозка затормозила у ворот резиденции Государственного наставника, где их уже поджидала стайка юных послушников.

Су Янь не возражал против того, чтобы оставить Яньгуй в резиденции. Пленницу заперли в одной из уединённых комнат, запечатав двери охранным талисманом, начертанным рукой самого Государственного наставника, и приставили четверых послушников для охраны. Что до Ли Лаодао, то, несмотря на его признание о давлении со стороны Шангуань Юня, обвинения с него никто не снимал, да и белых пятен в этой истории оставалось предостаточно. Опасаясь, что таинственные заговорщики из заброшенной усадьбы попытаются завершить начатое и избавиться от свидетеля, Пэй Цзинсин решил перестраховаться. Не желая делить ответственность с другими ведомствами, он волевым решением оставил старика под арестом здесь же, в резиденции, проигнорировав бурное возмущение Гао Цзэкай.

Мысленно высказав гвардейцу всё, что он думает о его самоуправстве, Гао Цзэкай наконец глубоко вздохнул и посерьёзnel:

— С Полуликой тоже всё непросто. Идёмте со мной, сами увидите.

<http://bllate.org/book/18419/1784932>